

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 30-Е ГГ. XX В.

Говоря о современной отечественной историографии англо-советских отношений в 30-е гг. XX в. можно выделить ряд проблем: с одной стороны, в постсоветское время ученые смогли отойти от штампов советской историографии, от идеализации советского внешнеполитического курса, получив доступ к рассекреченным в 1992 – 1994 гг. большим массивам документов советской внешней политики. Однако все еще малодоступными остаются материалы бывшего кремлевского (ныне Президентского) архива Политбюро ЦК КПСС, в том числе большая часть так называемой «Особой папки». Как известно, в период 30-х гг. внешнеполитический курс страны определяла Партия, а не дипломаты, поэтому изучение партийных документов представляет особую важность для понимания установок внешней политики Советского Союза. Другая проблема современной отечественной историографии состоит в том, что часть историков в стремлении отказаться от идеологических штампов и табу советской внешней политики, при фрагментарной отечественной источниковой базе заняли радикально-критическую позицию в оценке советской внешней политики, в большей степени выражая взгляды западных историков, также не лишенных идеологической составляющей. Однако сформировался и третий, либеральный подход, приверженцы которого на основе ныне доступных документов пытаются дать непредвзятую оценку позиций, взглядов, установок, целей сталинского руководства и западных демократий в предвоенное десятилетие.

Таким образом, в современной отечественной историографии выделяется три направления:

- консервативное (традиционное);
- радикально-критическое;
- дифференцированное (либеральное).

В современной историографии появились и новые тенденции. Во-первых, как указывают многие авторы, сейчас происходит некое возвращение к традиционной консервативной оценке советской внешней политики в целях возрождения авторитета великодержавной России - правопреемницы СССР. Во-вторых, исследователи, выделяя три мировоззренческие парадигмы, указывают на появившийся в последнее время интерес к изучению геополитики и реализма в мотивах и действиях советского (сталинского) руководства.

Можно выделить следующие ключевые аспекты советско-английских отношений в 30-е гг.:

1933 г. рассматривается современными либеральными исследователями (Л.Н. Нежинский, З.С. Белоусова, Н.В. Загладин) как начало нового этапа во внешней политике Советского Союза, что связано с приходом Гитлера к власти. Эти авторы заявляют о том, что «принятое в декабре 1939 г. советское решение о необходимости добиваться создания системы коллективной безопасности в Европе означало прорыв в конфронтационном мышлении. Оно свидетельствовало о пересмотре руководством страны старых концепций, определенном отходе от линии классового противоборства на международной арене»¹.

В современной историографии существует также мнение (А.Т. Тертышный, Е.Б. Заболотный), которое в основном соотносится с позицией советских исследователей: «следует учитывать, что Гитлер выражал интересы наиболее воинствующих кругов германской буржуазии, которые рассматривали его территорию как сферу своих жизненных интересов, не понимая этого Сталин не мог, поэтому приход Гитлера к власти заставил его проводить политику на сближение с западным миром более активно»².

Мнение историков радикального направления (Д.Г. Наджафов, С.З. Случ, З.С. Белоусовой) заключается в том, что никакого поворота во внешней политике Советского государства после прихода Гитлера к власти не произошло. Исследователи обращают особое внимание на классовый подход Сталина, принципы внешнеполитического курса которого строились на антагонизме двух систем – социализма и капитализма. Основанная на классовых установках марксистско-ленинская концепция внешней политики не могла быть направлена на мирное сосуществование разных систем. С этой точки зрения, шаги в направлении укрепления коллективной безопасности предпринимались скорее для того, чтобы «во-первых, укрепить легитимность советского режима в международном плане, и, во-вторых, использовать в собственных интересах “империалистические противоречия”, в частности, сорвав Пакт четырех»³.

Придерживающиеся радикального направления авторы, в частности С.З. Случ говорит также о том, что Сталин (уже в тот период 1933 – 1934 гг.) создал двухуровневую внешнюю политику. Приоритетом для сталинского руководства уже в 1933 – 1934 гг. был стратегический союз с Гитлером для решения своих далеко идущих, в том числе и имперских планов. И если бы Гитлер прекратил осуществлять нападки на Советский союз, то пакт Молотова – Риббентропа мог появиться на свет гораздо раньше. Исследователь утверждает, что на протяжении всего периода 30-х гг. Сталин не прекращал попыток установить нормальные отношения с Германией, ведя закулисную игру

¹ Советская внешняя политика 1917 - 1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С.134-135.

² Выбор пути. История России 1861 - 1938 Екатеринбург, 1995. С. 491.

³ Белоусова З.С. Советский Союз и европейские проблемы: 1933 – 1934 гг. // Вопросы Истории. 1999. № 10. С.57.

(миссия Канделаки 1935 – 1937), а отношения с Западом использовал в целях оказания давления на Германию. Декларации и даже шаги в направлении неких «коллективных действий отнюдь не рассматривались в Кремле как стремление к созданию антигерманской коалиции. А были одним из средств давления на Берлин, чтобы сделать его более покладистым к предложениям Москвы о сотрудничестве»⁴.

Оценивая позиции Великобритании, большинство современных авторов соглашались со своими советскими коллегами в том, что английское правительство несет определенную долю вины за провал политики коллективной безопасности, однако некоторые исследователи оправдывают такую политику Великобритании действиями самого Советского Союза.

Интересны оценки современных исследователей позиций Советского Союза и Великобритании в период Мюнхена.

Многие исследователи называют Мюнхен переломным моментом во внешней политике Советского Союза 30-х гг.

И здесь авторы поднимают несколько вопросов: о причинах сговора западных демократий с Германией, почему они не откликнулись на предложение советского руководства об оказании помощи Чехословакии, и каковы последствия Мюнхена для внешней политики СССР и западных демократий.

Многие авторы (А.Т. Тертышный, Е.Б. Заболотный, Л.Н. Анисимов), соглашаясь с мнением советской историографии, говорят о том, что основная вина лежит на правительствах Англии и Франции. «Уместно еще раз вдуматься в слова У. Черчилля о том, что в Англии коммунизм ненавидели не меньше, чем в Германии»⁵. Кроме того, правительство СССР в 1938 г. заявило, что оно выполнит свои союзнические обязательства по оказанию помощи Чехословакии и в том случае, если Франция от своих обязательств откажется. Единственным условием было то, чтобы Чехословакия защищалась от нападения, а ее правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании помощи.

Либеральные историки (Л.Н. Нежинский, М.И. Семиряга, Н.В. Загладин) пишут о том, что Советский Союз оказался в достаточно выгодном положении, его помощь Чехословакии могла осуществляться только после вступления в силу французских обязательств относительно Чехословакии. «Знало оно [советское правительство] и о том, что, не заручившись согласием Франции, правительство Чехословакии не станет обращаться за помощью к Советскому Союзу»⁶. Таким образом, позиция Советского Союза представляется очень удобной, и

⁴ Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933 - 1941: Расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. 1. С.101

⁵ Выбор пути. История России 1861 - 1938. С.499.

⁶ Советская внешняя политика 1917 - 1945. Поиски новых подходов. С.151.

все его заявления о готовности оказать военную помощь Чехословакии не имеют большой цены.

Существует также довольно оригинальное мнение о возможности существования союза СССР и Германии еще до Мюнхена. Отсюда позиция Франции и Англии рассматривается следующим образом: «англичане и французы были настолько расстроены потерей своего русского союзника [узнав о возможности существования союза Германии – СССР], что стремились оттянуть время, чтобы снова привлечь Россию к союзу с Францией. Чемберлен не мог пойти на риск войны из-за Чехословакии, которая без поддержки России была бы быстро смята; оттянув войну на год или два, Англия и Франция смогли бы повысить свою боеготовность и, возможно, снова вовлечь в союз Россию»⁷ (на основе анализа секретного документа из национального архива США).

Существуют и более противоречивые мнения относительно оценок последствий Мюнхена.

Большинство либеральных исследователей вслед за советскими авторами утверждают, что после Мюнхена СССР оказался в международной изоляции (до марта 1939 г.). Однако в отличие от советских авторов, современные исследователи говорят, что «у Сталина были серьезные сомнения, усилившиеся после Мюнхена, в надежности Англии и Франции в качестве партнеров на международной арене»⁸. Мюнхен, тем самым, подтолкнул Сталина к возможности союза с Германией и отхода от политики коллективной безопасности, проводимой им с середины 30-х гг.

Историки радикального направления (С.З. Случ, Д.Г. Наджафов), говорят о том, что Сталин, наконец, получил возможность вернуться к выполнению своей долгосрочной задачи, поставленной еще в начале 30-х гг. и заключить союз с Гитлером.

Следующим важным этапом советско-английских отношений 30-х гг. можно назвать англо-франко-советские переговоры.

В целом, либеральные авторы говорят о том, что: «англо-франко-советские переговоры в Москве потеряли смысл, еще не начавшись. Для Кремля они могли служить лишь последней проверкой позиций Англии и Франции, а может быть, прикрытием и оправданием резкого дипломатического маневра, который мгновенно изменил военно-политическую ситуацию в Европе»⁹. Однако отмечается, что в начале переговоров (политических) СССР был готов к компромиссу с Англией и Францией, т.е. позиция Советского Союза не была однозначной, а менялась в ходе переговоров в зависимости от действий Западных демократий. Следовательно, с точки зрения либеральных авторов, союз с Германией не был изначально

---

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.163.

⁹ Там же. С.188.

ной далеко идущей целью для советского руководства, а стал следствием изменения его внешнеполитической стратегии под влиянием позиций Англии и Франции.

Говоря о геополитических амбициях советского руководства, исследователи, в частности А.Н. Сахаров отмечает, что «получив неограниченную власть в России, большевики вместе с ней получили в наследство и прежние державные претензии, прежние внешнеполитические цели, значительно подорванные в 1918 – 1920 гг. Чувство реванша в этих условиях было вполне естественным чувством, которым жили новые руководители страны. Оно вызревало именно в то время, когда страна обретала силу и стабильность, строила новую мощную индустрию, создавала одну из самых сильных, если не самую сильную армию в мире»¹⁰. Таким образом, геополитические претензии Советского Союза выделяются как один из определяющих факторов советской внешнеполитической концепции наряду с классовым подходом.

Оценивая позиции Великобритании, эти авторы придерживаются мнения, что хотя после захвата Чехословакии Гитлером в ее руководстве наметился сдвиг в осознании германской опасности и необходимости сотрудничества с Советским Союзом, однако, в целом, основной целью переговоров для Великобритании было тянуть время до осенней распутицы, предотвратив начало войны в 1939 г. и обеспечив себе возможность соглашения с Германией, «помешать возможному сближению СССР и Германии, [или, по крайней мере] не допустить, чтобы СССР оставался в стороне от возможного конфликта на Западе»¹¹.

То есть, реально, по мнению либеральных исследователей, ни о каком военно-политическом союзе ни со стороны Великобритании, ни со стороны СССР речи не шло.

Исследователи радикального направления (С.З. Случ, Д.Г. Наджафов) придерживаются мнения, что Сталин, начиная со времени прихода Гитлера к власти, искал союза с Германией, которая противостояла Западу. «Подобное решение обуславливалось как продолжаемой западными державами “политикой умиротворения” агрессивных держав, так и обозначившейся общностью внешнеполитических интересов Москвы и Берлина, которую Сталин из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене разглядел раньше, чем Гитлер»¹². Таким образом, переговоры с Великобританией и Францией служили поводом для затягивания переговоров с Гитлером, стремившемуся к скорейшему решению польского вопроса с целью добиться максимальных уступок от него.

¹⁰ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939 - 1945гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 30.

¹¹ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1936 - 1941. М., 1992. - С.17.

¹² Там же. - С.108.

В целом, можно сделать вывод, что современная историография неоднородна, в рамках ее существует несколько подходов от консервативного (традиционного), до радикально-критического и либерального. Как следствие, мнения современных исследователей существенно отличаются от мнения, изложенного в советской историографии и между собой. Основное различие состоит в оценке внешнеполитических установок Советского Союза и времени, когда Сталин решился на союз с Германией. Кроме того, в отличие от советской историографии, многие современные либеральные авторы говорят о том, что внешнеполитические приоритеты Советского Союза и Великобритании на протяжении 30-х гг. не были постоянны, они могли меняться в зависимости от изменения ситуации на международной арене.

Общим является то, что с точки зрения большинства современных исследователей, политика коллективной безопасности была лишь тактикой во имя стратегических целей общемировой победы социализма. Особое внимание уделяется классовому подходу Сталина к внешнеполитической концепции страны и наличию у советского руководства установки на мировую революцию. Кроме того, геополитические претензии Советского Союза рассматриваются как один из определяющих факторов советской концепции внешней политики, наряду с классовым подходом.

Е. Соковнин

«ДЕТИ ВОЙНЫ»: ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

История испанской диаспоры в России берет свое начало в 1937 г., когда началась эвакуация детей из Испании в СССР, чтобы уберечь их от гибели в кровопролитной Гражданской войне (1936 – 1939 гг.). Решение о массовой эвакуации детей было принято по инициативе легитимного правительства Испанской Республики. Малолетние дети были отправлены в разные страны Европы, Латинской Америки и Северной Африки. По некоторым данным, в ходе войны из Испании было вывезено около 35 – 40 тыс. детей.¹ Большинство из них вскоре вернулось на родину, но на чужбине надолго задержались те из них, кто эмигрировал в Мексику и, особенно, в Советский Союз. Но если испанским иммигрантам в Мексике было легче, хотя бы потому, что языковая среда была той же, что и в Испании, то оказавшимся в Советском Союзе пришлось многое пережить, прежде чем они смогли адаптироваться к российским реалиям.

---

¹ Ландабасо А. Испанская диаспора в России: Малоизвестные черты российско-испанских отношений // Россия и современный мир. - 2002. - №1. - С. 196.